

Литературная гостиная. 220 лет со дня рождения Фёдора Ивановича Тютчева - русского поэта, дипломата, публициста

Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить:
У ней особенная стать —
В Россию можно только верить.
(1866. Ф.И. Тютчев)

Фёдор Иванович Тютчев — великий русский поэт и публицист, дипломат. Родился в родовой усадьбе Овстуг Брянского уезда Орловской губернии 23 ноября [5 декабря] 1803 года. Происходил из древнего дворянского рода. Прямым предком поэта был Захарий Тютчев, посланный великим князем Дмитрием Ивановичем в ставку Мамая для оценки потенциальной угрозы с его стороны. Эта успешная дипломатическая миссия нашла отражение в «Сказании о Мамаевом побоище», а позже вошла в «Историю государства Российского» Карамзина.

Дед поэта по отцовской линии Николай Андреевич имел в отличие от предыдущего родственника скандальную славу «неистового» человека, который по воспоминаниям овстугских крестьян во главе со своими

дворовыми нередко грабил купцов, проезжавших недалеко от имения. В молодости, имея любовную связь с известной помещицей Дарьей Салтыковой (кстати, дальней родственницей), он скоро оставил её и, боясь её мести, сбежал из Подмоскovie в Овстуг. Позже, как известно, Салтыкова за жестокое обращение с крепостными получила прозвище Салтычиха и провела свои последние 33 года в подземной камере Ивановского монастыря в Москве. Справедливости ради отметим, что в последующие годы, поостыв, дед поэта, выйдя в отставку, избирался предводителем брянского дворянства. Женившись в 1762 году на владелице села Овстуг Пелагее Денисовне Панютиной, он вместе с супругой существенно приумножил богатство родовой усадьбы Тютчевых.

Отец поэта, Иван Николаевич (1768–1846), в противоположность деду поэта, был благодушным и мягким по характеру, пользовался всеобщим уважением, закончил Греческий корпус (Корпус иностранных единоверцев), готовивший офицерские кадры (в основном греческого происхождения) для военных операций с Турцией. Дослужился до чина поручика, а в последние годы уже на гражданской службе стал смотрителем «Экспедиции Кремлёвского строения», что предполагало достаточно высокий уровень знаний и культурного кругозора. В 1768 он женился на Екатерине Львовне Толстой (1776–1866), с которой имел 6 детей. Из них трое сыновей умерли в раннем возрасте, в числе оставшихся в живых: Николай (1801–1870 год), Фёдор – будущий поэт (1803–1873) и Дарья (1806–1879 год). Екатерина Львовна, считавшаяся главой семьи, была воспитана своей богатой родственницей, тёткой, графиней Остерман. К знатному роду Толстых, к которому принадлежала Екатерина Львовна, входили также писатели Лев Николаевич и Алексей Константинович Толстые.

В 1812 году родители Тютчева с детьми, спасаясь от нашествия французов, уехали в Ярославль. После возвращения в Москву в ноябре 1812 года для будущего поэта началось время настоящего образования, которое до этого периода ограничивалось начальным приобщением к знаниям по русской грамоте, иностранным языкам, географии, истории, христианскому учению, получаемым дома в основном от родителей. Большое влияние на Тютчева в нравственном и духовном отношении оказал приставленный к нему с 4 лет в качестве «дядьки» бывший крепостной Николай Афанасьевич Хлопов (1770–1836), с которым он до 22 лет почти не расставался. Известно, что незадолго до ухода из жизни, Н.А. Хлопов завещал Тютчеву икону, которую поэт

хранил всю жизнь.

В качестве домашнего учителя для Тютчева в это время был выбран Семён Егорович Раич, знаток древнегреческой, латинской и итальянской поэзии. Будущий поэт активно и быстро развивался. Как позже вспоминал Раич, через три года обучения (к 1916 году) его ученик по своим знаниям становился ему товарищем и уже с успехом переводил оды Горация и писал стихи собственного сочинения, за одно из которых («На новый 1816 год») был удостоен звания сотрудника «Общества любителей российской словесности» в начале 1818 года. Под влиянием Раича Тютчев в качестве вольнослушателя начал посещать лекции профессоров А.Ф. Мерзлякова и М. Т. Каченовского на Словесном факультете в Московском университете, а осенью 1819 года был зачислен в состав «своекоштных» студентов университета, который и закончил в 1821 году на год раньше положенного срока со степенью кандидата, которую получали наиболее достойные.

Описывая студенческий период жизни Тютчева, нельзя не отметить ряд обстоятельств. Во-первых, его знакомство с первым поэтом России Василием Жуковским, который, посетив дом Тютчевых а Армянском переулке в Москве 28 октября 1817, отметил: в своём дневнике: «Обедал у Тютчева. Вечер дома. Счастье не цель жизни...». Последняя фраза является мыслью самого Жуковского, которую высказал он во время беседы со старшим Тютчевым и его сыном и которая особенно поразила последнего. Через двадцать с лишним лет, Тютчев писал приехавшему в Италию Жуковскому, что он принёс с собой то, что после погибшей жены всего дороже ему: отечество и поэзию и «...Не вы ли сказали где-то: в жизни много прекрасного и кроме счастья. В этом... целая религия, целое откровение». Наверняка при этом поэт вспоминал и о второй встрече с Жуковским 17 марта 1818 года, когда отец привёл его к Жуковскому, жившему в кремлёвском Чудовом монастыре.

Учась и слушая лекции московских профессоров, Тютчев образовывался также и путём общения с молодёжным обществом, состоявшим как из студентов университета, так и воспитанников Благородного пансиона при университете и Московского училища для колонновожатых, готовившего офицеров для штабов разного уровня. Из этой среды позже сформируется немалое число будущих декабристов. И в семейном окружении Тютчевых оказалось несколько человек, сыгравших не последнюю роль в движении декабристов: племянники матери поэта Василий Ивашев и Дмитрий Завалишин, двоюродный брат поэта Алексей Шереметев, а также мужья двоюродных сестёр поэта Иван Якушкин и Михаил Муравьёв.

Несмотря на опасения матери поэта за его судьбу, сам Тютчев не разделял взглядов декабристов. Ещё ранее в своем поэтическом отклике на оду Пушкина «Вольность», ходившую из-за резких выпадов против самодержавия в списках, Тютчев, прославляя свободолюбие Пушкина, все же призывает его:

«Своей волшебною струною
Смягчай, а не тревожь сердца!»

Надо пояснить, что в этот период Тютчев уже проникся специфическим «философским» отношением к миру, которое было характерно для поколения «любомудров», к которому он принадлежал. Последние увлекались немецкой идеалистической философией (Шеллинг, Фихте и др.), а не рационалистической французской философией (Вольтер, Гельвеций и др.), возбуждавшей умы идеями свободы и антиклерикализма. И хотя движение декабристов не могло не отразиться на деятельности любомудров (создание тайного литературно-философского «Общества любомудрия» (1823–1825), совместное участие декабристов и любомудров в издании альманахов и отдельных вечерах), но основная позиция любомудров оставалась неизменной.

Так, Дмитрий Веневитинов, секретарь «Общества любомудрия» писал: «Самопознание - вот идея, одна только могущая одушевить вселенную; вот цель и венец человека» и считал задачей любомудров представить России «полную картину развития ума человеческого, картину, в которой бы она видела своё собственное предназначение». Один из видных любомудров будущий славянофил А.С. Хомяков вообще считал всякий военный бунт безнравственным, а председатель «Общества любомудрия» Владимир Одоевский писал о декабристах «Они говорили народу, но не с народом». В свете изложенного становится понятным и содержание стихотворения Ф.И. Тютчева «14-е декабря 1825», где он дал оценку движению декабристов, вполне соответствующую мнению любомудров:

Вас развратило Самовластье,
И меч его вас поразил, —
И в неподкупном беспристрастье
Сей приговор Закон скрепил.

Написано стихотворение было в 1826 году, а опубликовано только после полвека.

Но вернёмся к прерванному. После окончания московского университета на семейном совете было решено отправить Тютчева на дипломатическую службу, которой по образовательному уровню он больше соответствовал. 21 февраля 1822 года Тютчев, прибыв в Петербург с отцом и, поселившись в доме своего родственника по материнской линии, героя 1812 года графа А.И.

Остермана-Толстого, был зачислен на службу в Государственную коллегия иностранных дел с чином губернского секретаря. Надо отметить, что, закончив Московский университет со степенью кандидата словесных наук, Тютчев мог бы получить более высокий чин коллежского секретаря, но не стал утруждать себя решением этого вопроса в Сенате. В этом сказалось, видимо, его природная леность, которая в свою очередь явилась следствием его прекрасных умственных способностей: любая учёба давалась легко. Как бы там ни было, 11 июня 1822 года опекаемый графом А.И. Остерманом-Толстым и в его сопровождении Тютчев отправился в Мюнхен, куда он по рекомендации графа был устроен на должность сверхштатного чиновника русского посольства в Баварии, т.е. без денежного содержания.

Германия в то время представляла из себя союз почти 40 небольших государств, из которых Бавария была в числе наиболее крупных, а Мюнхен – её столица, переживал период культурного расцвета. Впрочем, культурно-творческий взлёт происходил и в других государствах Германии. В период с конца 18 до начала 19 века в Германии жили и работали выдающиеся деятели: Кант, Гофман, Моцарт, Гегель, Шеллинг, Гёте, Гейне, Бетховен, Фридрих Якоби, Лоренц Океан и многие другие. Германская философия и культура в этот период, несомненно, шла во главе европейского культурного

развития, обобщая предшествующую культуру Европы и затрагивая влияние

Востока.

Молодого остроумного российского дипломата, часто посещавшего гостиные высшего света в Мюнхене, быстро заметили. Свободного времени достаточно: дипломатическая работа не обременительна и заключается в основном в переписывании разного рода депеш. Тютчев интересуется стихами немецких поэтов Шиллера, Гёте, Гердера, Уланда, Гейне, частично переводит их. С Гейне активно поддерживает личные контакты, также как с известным философом Шеллингом, с которым общается около 15 лет. В этот период Шеллинга посещали многие любомудры, приезжавшие из России: братья Киреевские, Шевырёв, Погодин, Одоевский, Мельгунов, что вызвало повышенный интерес философа к России и позволило ему как-то сказать Петру Киреевскому в 1839 году «России суждено великое назначение». Таким образом, оказавшись в Германии, Тютчев получил прекрасные возможности для своего духовного развития и осуществления цели поколения любомудров: подъёма русской национальной культуры до

европейского уровня путём творческого переосмысливания опыта всего человечества.

Находясь в центре Европы, Тютчев посещает другие и германские государства, а также Швейцарию, Францию, Австрию, северную Италию. Как вспоминал позже его друг князь Иван Гагарин: «Богатство, почести и самая слава имели мало привлекательности для него. Самым большим, самым глубоким наслаждением для него было присутствовать на зрелище, которое разворачивается в мире, с неослабевающим любопытством следить за всеми его изменениями... В людях его привлекал тоже спектакль, который представляли собой души...».

Но это не было простым любопытством. Ведь он был одним из представителей посольства России, пусть и весьма скромным, одной из обязанностей которых было изучение общественных настроений в стране пребывания и влияние на них в интересах России. Кроме того, после победы в войне 1812—1814 годов, Россия играла весомую роль в исторической судьбе Европы, что, однако, совершенно не устраивало ни Англию, ни Францию. И Тютчев, пожалуй, первым из дипломатов России это осознал и заметил. Но об этом позже. Сейчас же вернёмся к личной и не профессиональной жизни поэта.

Все биографы поэта особо отмечают такое его свойство как влюбчивость, о котором он откровенно высказался в поздние годы в письме к дочери Дарье: «...тебе, кому я, быть может, передал по наследству это ужасное свойство, не имеющее названия, нарушающее всякое равновесие в жизни, эту жажду любви...».

Ничего не знаем о студенческих увлечениях поэта. Но вот, только приехав в Мюнхен в 1823 году, он сразу же влюбляется в юную красавицу Амалию фон Лерхенфельд, внебрачную дочь баварского дипломата графа Максимилиана Лерхенфельда (1772—1809), которая являлась двоюродной сестрой жены Николая 1 Александры Фёдоровны. В конце 1824 года страсть Тютчева вылилась в стихотворение «Твой милый взор, невинной страсти полный»:

Твой милый взор, невинной страсти полной —
Златой рассвет небесных чувств твоих
Не мог, увы! умиловить их —
Он служит им укрою безмолвной.

Сии сердца, в которых правды нет,
Они, о друг, бегут как приговора,
Твоей любви младенческого взора,
Он страшен им, как память детских лет.

Но для меня сей взор благодаянье,
Как жизни ключ — в душевной глубине
Твой взор живет и будет жить во мне,
Он нужен ей, как небо и дыханье.

Таков горе — духов блаженных свет,
Лишь в небесах сияет он, небесный;
В ночи греха, на дне ужасной бездны,
Сей чистый огонь, как пламень адский, жжет.

Судьба сложилась так, что Амалия вышла замуж за барона А.С. Крюденера, сослуживца Тютчева, первого секретаря посольства в Мюнхене, а много позже стала женой графа Н.В. Адлерберга финляндского губернатора. Положение обоих мужей и природная красота давали возможность Амалии Максимилиановне играть первостепенную роль в петербургском высшем свете, что позволяло ей оказывать поэту немало бескорыстных услуг в будущем, что от немалого смущения он как-то заметил: «Ах, что за напасть! И в какой надо было мне быть нужде, чтобы так испортить дружеские отношения». Но здесь поэт ошибался. Их взаимная симпатия и дружба не прекращались до последних дней жизни Тютчева. И весной 1873 года, Амалия без приглашения посещает уже безнадежно больного поэта. В письме к дочери поэт как всегда образно и остроумно заметил: «В её лице прошлое лучших моих лет явилось дать мне прощальный поцелуй». Амалии поэт посвятил ещё два стихотворных шедевра «Я помню время золотое» и «Я встретил вас — и всё былое».

Вероятно, боль и отчаяние Тютчева, узнавшего о свадьбе Амалии с бароном Крюденером в 1825 году, сыграли свою роль в скоропалительном решении 22-летнего поэта жениться 5 марта 1826 года на Элеоноре Петерсон, урождённой графине Ботмер, вдове, матери 4 сыновей в возрасте от одного до семи лет. Правда, будучи на 4 года старше Тютчева, она, по признанию её знавших, была полна женского обаяния и бесконечно очаровательна.

Как показала дальнейшая жизнь, Элеонора беспредельно любила Тютчева и заботилась о нём, имела от него 3 дочерей: Анну, Дарью и Екатерину. Прожила с ним 12 не очень простых лет: карьерный рост Тютчеву давался с трудом, семье вынуждено были помогать родители Тютчева. К тому же в 1833 году поэт влюбляется в 22-летнюю Эрнестину Дюрнберг, что вызвало попытку Элеоноры покончить с собой. Последней чашей для Элеоноры стал стресс, полученный ей при пожаре на теплоходе, на котором она с детьми возвращалась из России в Германию. Она скончалась 38 лет 27 августа 1838 года. Преждевременный уход близкого человека настолько ранил поэта, что за ночь, проведённую у гроба жены, он поседел. Через 10 лет после смерти Элеоноры он напишет стихотворение «Еще томлюсь тоской желаний»:

Еще томлюсь тоской желаний,
Еще стремлюсь к тебе душой –
И в сумраке воспоминаний
Еще ловлю я образ твой...

Твой милый образ, незабвенный,
Он предо мной везде, всегда,
Недостижимый, неизменный,
Как ночью на небе звезда.

На период жизни с Элеонорой приходится начало активной деятельности Тютчева по продвижению идеи славянского единства и братства, хотя он и не разделял всех взглядов славянофилов. Особенно актуальным становился польский вопрос, который по замечанию . И. С. Аксакова «... решался для Тютчева степенью верности польского народа славянской народности и славянским церковным, то есть восточным или вселенским преданиям».

29 ноября 1830 года в Российской империи началось польское восстание, продолжавшееся до 21 октября 1831 года, под лозунгом восстановления независимой исторической Речи Посполитой в границах 1772 года. На взятие Варшавы русскими войсками Паскевича в августе 1831г. Тютчев отзывается патриотическим стихом «Как дочь родную на закланье...», который заканчивается следующими словами:

Ты пал, орел одноплеменный,

На очистительный костер!
Верь слову русского народа:
Твой пепл мы свято сбережем,
И наша общая свобода,
Как феникс, зародится в нем.

В стихотворении «От русского по прочтении отрывков, из лекций г-на Мицкевича», написанном 16 сентября 1842, поэт ещё раз призывает:

.....
Воспрянь, разрозненное племя,
Совокупись в один Народ —
Воспрянь — не Польша, не Россия —
Воспрянь, Славянская Семья! —

Новое польское восстание, начавшееся в 1863 году, привело Тютчева к мысли, что одних призывов к полякам о примирении с Россией уже недостаточно и считал оправданными вынужденные репрессии. Это нашло отражение в стихотворении «Его светлости князю А. А. Суворову», в котором поэт не соглашался с мнением внука генералиссимуса Суворова о недопустимости жёсткого подавления восстания, объясняя это необходимостью сохранения целостности государства.

По большому счёту в исторической перспективе чаяния Тютчева на единение славянских народов оказались завышенными, ввиду большей сложности и неоднозначности этого вопроса, чем представлялось это ему в тот исторический период.

Однако вернёмся к прерванному. Пережитая личная трагедия с первой женой и чувство вины отразились в письме поэта к родителям от 1 декабря 1838 года: «Есть вещи, о коих невозможно говорить, - эти воспоминания кровоточат и никогда не зарубцуются». Спасаясь от тяжёлых переживаний, он спешит отдаться новой любви: в декабре 1838 года состоялась его тайная помолвка с Эрнестиной Фёдоровной Пфеффель, (в первом замужестве — Дюрнберг), а 17 июля 1839 года он венчается с ней в церкви при русском посольстве в Берне. Ему было 35 лет, ей — 29.

Это время был наполнено и активной деятельностью Тютчева как дипломата: С июля 1838 года он исполняет обязанности поверенного в делах в русском

посольстве в Турине, что позволило ему впервые за годы службы более полно раскрыть свои способности. Всего лишь за год он отправил в Петербург 42 донесения, в которых раскрывает, в частности, вредоносные для России претензии Туринского архиепископа и папства управлять европейскими делами и соответствующую активность в этом отношении Соединённых Штатов Америки.

Однако усилия Тютчева не оценили. В Туринское посольство он не был назначен посланником и подаёт министру иностранных дел Российской империи К.В. Нессельроде просьбу об освобождении его от должности секретаря миссии. 8 ноября 1839 года Тютчев был отозван из Турина, но оставлен в штате министерства иностранных дел, а 30 июня 1841 года за «неприбытие из отпуска» был уволен и лишён звания камергера.

Как ни странно, после этого неприятного сообщения Тютчев ещё активнее стал интересоваться внешнеполитической деятельностью России. С прямой помощью вышеупомянутой Амалии Крюденер, после прибытия Тютчева в августе 1843 года в Петербург, состоялась его встреча с А.Х. Бенкендорфом (шефом жандармов и весьма доверенным лицом императора Николая 1), которому он изложил свои мысли об истинном отношении Запада к России. А они существенно отличались от официальной версии министра иностранных дел Нессельроде, который убеждал императора, что отношения европейских стран к России вполне дружественные. Вскоре Бенкендорф доложил императору о своём разговоре с Тютчевым и это имело последствия: 16 марта 1845 года Тютчев с высочайшего разрешения был снова зачислен в штат Министерства иностранных дел, а 14 апреля ему возвратили и звание камергера. Но только 15 февраля 1846 года Фёдор Иванович был назначен на должность чиновника особых поручений при государственном канцлере Нессельроде, а в 1848 году определён им старшим цензором при министерстве иностранных дел.

Возвращение Тютчева в Россию в 1844 году оказалось окончательным завершением 22 летнего зарубежного периода его жизни, хотя отдельные поездки в Европу он совершал и позже. Процесс адаптации происходил непросто, что нашло отражение в стихотворении, написанном ещё ранее после поездки в Россию в 1837 году:

Давно ль, давно ль, о Юг блаженный,

Я зрел тебя лицом к лицу —

.....

И я заслушивался пеня
Великих Средиземных волн?

.....

Но я, я с вами распростился —
Я вновь на Север увлечен...
Вновь надо мною опустился
Его свинцовый небосклон...

Здесь воздух колет... Снег обильный
На высотах и в глубине —
И холод, чародей всесильный,
Один здесь царствует вполне.

Впрочем, прожив потом много лет в России, поэт сумел оценить особенную прелесть и неповторимость русской природы в разные времена года: «Какое лето, что за лето!», «Есть в светлости осенних вечеров», «Чародейкою Зимою околдован, лес стоит», «Люблю грозу в начале мая» и др. Все эти стихи, многие из которых позже станут хрестоматийными, будут написаны в период второго творческого взлёта поэта, который начался с конца 40-х годов. Стихи же первого творческого периода с начала 20-х до середины 30-х годов были мало известны в России из-за незначительного их количества (около 20), опубликованных к тому же разрозненно в отдельных журналах.

В 1836 году сослуживец Тютчева - князь Иван Гагарин, оценивший его стихи, сумел вытребовать у поэта его последние творения и, переписав часть их начисто, предложил их Вяземскому для публикации в журнале «Современник», основателем которого был А. С. Пушкин. Ознакомившись с творчеством до этого ему почти неизвестного поэта, Александр Сергеевич опубликовал 24 стихотворения из 25: одно не пропустила цензура. Этот факт говорил об особом признании Пушкиным нового талантливой русского поэта в условиях незначительного интереса публики к поэзии в тот период. Но и Тютчев, не успевший при жизни встретиться с Пушкиным, хорошо осознавал его значение для России и своё стихотворение «29-е января 1837» завершает прекрасными строками:

Вражду твою пусть тот рассудит,

Кто слышит пролитую кровь.
Тебя ж, как первую любовь,
России сердце не забудет!..

Мечтавший издать стихотворения Тютчева отдельной книгой, Иван Гагарин был вскоре направлен на новую дипломатическую работу в Европу и публикация первой книги стихотворений Тютчева состоялась только через 17 лет. Этому предшествовала статья Некрасова в январском номере «Современника» за 1850 год, в которой он недоумевал, что на стихи Тютчева, опубликованные в своё время Пушкиным, остались почти незамеченными журналами. Эта статья подвинула журнал славянофилов «Москвитянин» опубликовать в 1850—1852 годах небольшую часть стихов Тютчева, а в 3 и 4 выпусках «Современника» за 1854 год было опубликовано уже 111 стихотворений поэта, в том числе и написанные им в последние годы. Успех журнальных публикаций способствовал изданию Некрасовым в этом же 1854 году стихотворений Тютчева в двух небольших книгах, основную подготовку которых к изданию осуществил Иван Тургенев — друг Некрасова и хорошо знакомый Тютчева. Именно с этого времени имя Тютчева как поэта становится достаточно известным в России.

Проживая с 1944 года постоянно в России, Тютчев входит в высшие круги петербургского общества, где ему внимают как остроумному и европейски просвещённому посетителю. Но эти отношения лишены полноценного интереса с его стороны, где он не находит духовно близких людей, но пытается их использовать для получения дополнительных сведений о внешней политике России, которая всегда была объектом его пристального внимания. Не согласный с деятельностью тогдашнего министра иностранных дел К. Нессельроде, Тютчев находит отраду в общении и обсуждении политических и исторических вопросов с друзьями: Жуковским, Вяземским и Чаадаевым, а также с профессиональными историками, писателями и публицистами: О.М. Бодянским, П. И. Бартеневым, И. М. Снегирёвым, В.И. Ламанским, Е.П. Ковалевским и другими. В то же время его контакты с хорошо знакомыми ему славянофилами братьями Киреевскими и Аксаковыми, Хомяковым, и Самариным крайне редки. Видя в них выдающихся мыслителей, Тютчев всё же не разделял мнения славянофилов о том, что русская литература не отражает внутреннего содержания русской жизни (поэтому ими признавались писателями только И. Аксаков и Гоголь), а также обвинял их в непонимании политического положения России в Европе, сводивших их противостояние только к вопросу помощи балканским

славянам.

Политической слепота славянофилов особенно ярко проявилась в 1854 году перед началом Крымской войны, когда Хомяков упорно вещал: «Да из чего ж Европа так расхлопоталась? Из чего она так к нам не благоволит?... Ведь недаром же у Босфора съезд всевозможных флагов... Я уверен, что всё закончится в пользу нашей задунайской братии и в урок многим. Узнают, между прочим, что славянофильство... было верным предчувствием и ясным пониманием...». Сам Тютчев ещё в 1848 году предупреждал о возможной агрессии Европы во главе с Англией и Францией против России и работал над трактатом «Россия и Запад», который не закончил, убедившись в полном неприятии его мыслей и соображений тогдашним руководством внешней политики России.

Как известно, Россия проиграла Крымскую войну (1854—1856 гг.). Тютчев переживал поражение России мучительно, но переосмысливая прошедшие события, избавился от некоторых своих иллюзий, в частности, и в отношении императора Николая I, откликнувшись на его смерть стихами;

Не Богу ты служил и не России,
Служил лишь суете своей,
И все дела твои, и добрые, и злые, —
Все было ложь в тебе, все призраки пустые:
Ты был не царь, а лицедей.

Но мы забежали несколько вперёд. За несколько лет до описанных событий в 1849 году начинается новый взлёт творческой деятельности поэта.. В июне 1849 года, находясь в своей родной усадьбе в Овстуге, Тютчев пишет стихотворение «Итак, опять увиделся я с вами», которое пронизано грустным и минорным настроением:

О бедный призрак, немощный и смутный,
Забывтого, загадочного счастья!
О, как теперь без веры и участия
Смотрю я на тебя, мой гость минутный,

Но через три года в 1852 году почти в это же время в этой усадьбе написано совершенно другое по характеру и содержанию стихотворение «Сияет солнце»:

Сияет солнце, воды блещут,
На всем улыбка, жизнь во всем,
Деревья радостно трепещут,
Купаясь в небе голубом.

Поют деревья, блещут воды,
Любовью воздух растворен,
И мир, цветущий мир природы,
Избытком жизни упоен.

Но и в избытке упоенья
Нет упоения сильней
Одной улыбки умиленья
Измученной души твоей...

Что же изменилось в жизни поэта за прошедшие три года? А просто поэт влюбился. Влюбился в очередной раз, но в отличие от предыдущих увлечений, это не была любовь с первого взгляда. Она созревала медленно в течение нескольких лет. Одной из причин, возможно, была большая разность в возрасте: поэт был старше своей музы на 27 лет. К тому же Тютчев в возрасте своих 44 лет был убеждён: « Я отжил свой век и ... у меня нет ничего в настоящем». Но неоднократно посещая Смольный институт благородных девиц, где воспитывались две его дочери от первого брака Дарья и Екатерина, содержащиеся за счёт средств императорского дома, Тютчев постепенно стал обращать внимание ещё на одну воспитанницу Смольного института Елену Александровну Денисьеву. Внимание поэта вызвало в девушке страстную и безраздельную любовь, а Тютчев, судя по его признанию, когда становился объектом чье-нибудь любви, изумлялся и, считая её незаслуженным даром, становился её пленником. Как бы там ни было, тайные с 15 июля 1850 года отношения поэта и его музы, обнаружилось уже в марте 1851 года, что привело к отставке с поста инспектрисы Смольного института Анны Дмитриевны Денисьевой, тётки Елены Денисьевой, воспитывавшую племянницу после смерти её матери.

Узнавший о скандале, отец Елены, дворянин происхождения, Александр Дмитриевич Денисьев, отрекается от дочери. Двери салонов светского Петербурга закрываются для Денисьевых. После шумного скандала, Анна Дмитриевна была вынуждена оставить служебную квартиру и поселиться с

племянницей на частной. В мае 1851 года у Елены Денисьевой рождается первая дочь. Драматизм событий тех дней поэт выразил в самокритичном и сочувственно-грустном стихотворении «О, как убийственно мы любим»:

«О, как убийственно мы любим,
Как в буйной слепоте страстей
Мы то всего вернее губим,
Что сердцу нашему милей!

.....

Ты помнишь ли, при вашей встрече,
При первой встрече роковой,
Ее волшебный взор, и речи,
И смех младенчески живой?

И что ж теперь? И где все это?
И долговечен ли был сон?
Увы, как северное лето,
Был мимолетным гостем он!

Судьбы ужасным приговором
Твоя любовь для ней была,
И незаслуженным позором
На жизнь ее она легла!

.....

И на земле ей дико стало,
Очарование ушло...
Толпа, нахлынув, в грязь втоптала
То, что в душе ее цвело.

О, как убийственно мы любим,
Как в буйной слепоте страстей
Мы то всего вернее губим,
Что сердцу нашему милей!

Жена Тютчева Эрнестина Фёдоровна в этой мучительной для неё обстановке проявила исключительной самообладание. Их взаимоотношения свелись в

основном к переписке, где она не обнаруживая открыто своего знания об увлечённости мужа, лишь упрекала его в том, что он разлюбил её и им пора расстаться. Тютчев убеждал её в обратном: «Что же произошло в глубине твоего сердца, что ты стала сомневаться во мне, что перестала понимать, перестала чувствовать, что ты для меня – всё, и что сравнительно с тобою всё остальное — ничто?». Что и говорить, Тютчев недаром славился своей обаятельностью, частью которого было его умение излагать свои мысли. Но сердце женщины не обманешь. Остаётся только удивляться способности поэта убеждать себя в сохранении в его душе чувств к обеим женщинам. Впрочем, понимание этого феномена относится к области психологии любви, достижения которой ещё весьма скромны.

В общей сложности отношения Тютчева с Еленой Денисьевой длились на протяжении 14 лет. При этом последняя, несмотря на слабое здоровье, родила ещё двух сыновей, пытаясь, видимо, ещё больше привязать поэта к своей семье. Более того, она активно интересовалась политическими интересами Тютчева, но их отношения в силу имеющихся обстоятельств были не простыми, что и отразил поэт в стихотворении «О, как на склоне наших лет»:

О, как на склоне наших лет
Нежней мы любим и суеверней...
Сияй, сияй, прощальный свет
Любви последней, зари вечерней!

.....

Пушай скудеет в жилах кровь,
Но в сердце не скудеет нежность...
О ты, последняя любовь!
Ты и блаженство и безнадежность.

22 мая 1864 года после рождения второго сына Николая, Елена Денисьева получила осложнение туберкулёзной болезни и умерла 4 августа 1864 года. Пытаясь заглушить боль от потери любимой женщины, пребывавший на грани веры и безверия, Тютчев по совету дочери Анны исповедался, но это мало помогало. В довершение всего в мае 1864 года умирают дети Елены Денисьевой и Тютчева дочь Елена 14 лет и десятимесячный сын Коля. В ответном послании сочувствующему ему поэту Полонскому Тютчев пишет:

Нет боле искр живых на голос твой приветный —
Во мне глухая ночь, и нет для ней утра.
И скоро улетит - во мраке незаметный —
Последний, скудный дым с потухшего костра.

Спасает от полного отчаяния поэта только не покидающие его никогда мысли о судьбах и жизни России. К тому же в стране происходя разительные перемены: после смерти в 1855 году императора Николая I. Министром иностранных дел России в апреле 1856 года был назначен Александр Михайлович Горчаков, хорошо знакомый Тютчеву, а сам Тютчев получил чин действительного статского советника, был назначен председателем Комитета иностранной цензуры и стал ближайшим советником канцлера Горчакова.

Фёдор Иванович обрел возможность реально влиять на внешнеполитический курс страны. О Горчакове Тютчев писал: «Мы стали большими друзьями, и совершенно искренно. Он — положительно незаурядная натура с большими

достоинствами...». Тютчев свел вместе Горчакова с Михаилом Никифоровичем Катковым, влиятельным консервативным русским публицистом, редактором газеты «Московские ведомости», а потом — журнала «Русский вестник». В продолжение семнадцати лет Тютчев формулировал основные внешнеполитические принципы и, являясь посредником между Горчаковым и Катковыми, убеждал Каткова поддержать внешнеполитические акции Горчакова, а Горчакова находить общие точки соприкосновения с Катковым. Вовлекая в свою деятельность десятки разных людей от журналистов до царя, Тютчев тщательно скрывал для посторонних свою роль в формировании внешней политики России. Но, видя постепенное возрождение России, осознавал и свои заслуги.

Наблюдая в течение многих лет среди части господствующего класса неверие, а порой и презрение к России и потребительское отношение к ней, Тютчев как-то заметил, что русофобы считали бесправие, отсутствие свободы печати и т.д. основным ненавистным им отличием от цивилизованной Европы. Но «По мере того как Россия, добиваясь большей свободы, всё более самоутверждается, нелюбовь этих господ только усиливается... Что же касается Европы, то, как мы видим, никакие нарушения в области правосудия, нравственности и даже цивилизации несколько не уменьшили расположения к ней. Словом, в явлении, о котором я говорю, о принципах как таковых не может быть и речи, действуют только инстинкты...». Эти слова Тютчева вполне актуальны и в наше время. Остаётся только удивляться прозорливости Фёдора Ивановича Тютчева полтора века назад.

Особо следует отметить отношение Тютчева к правящей в России власти: «Только намеренно закрывая глаза на очевидность... можно не замечать того, что власть в России не признает и не допускает иного права, кроме своего, что это право – не в обиду будь сказано официальной формуле – исходит не от Бога, а от материальной силы самой власти и что эта сила узаконена в ее глазах Уверенностью в превосходстве своей весьма спорной просвещенности, одним словом, власть в России на деле безбожна...». В этом он видел опасность для будущего России. И здесь он тоже оказался прав. Понимая сложность исторического пути России, трудность порой четкой оценки и прогноза происходящих в ней событий, поэт написал следующие удивительные строки:

Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить:
У ней особенная стать —
В Россию можно только верить.

Умирая 15 (27) июля 1873 в Царском Селе, Фёдор Иванович, обратив взгляд на вошедшего к нему духовника и упреждая его последнее напутствие, спросил: «Какие подробности о взятии Хивы?» В этом был весь Тютчев —

один из умнейших людей России 19 века и её истинный патриот.

<https://www.youtube.com/watch?v=Q8tsv0BSJnE>